

ОЖОГ

Соня Меньшикова

Соня Меньшикова

Ожог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243969

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир новой этики, в котором каждый в жизни вынужден заниматься тем, что его травмировало в детстве. Витя не помнит ничего плохого в детстве, но сейчас он страдает кризисом реализации. Платит налог на безработицу и видится со своими супер-осознанными, экологичными друзьями. Однажды утром он идет к психологу и под гипнозом вспоминает нечто... Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Соня Меншикова

Ожог

Если ничего не хочется делать, дай себе возможность ничего не делать. Вообще ничего – отложи телефон, убери еду, выключи музыку и просто сядь. Спустя какое-то время тупежа и смотрения в одну точку тебе обязательно станет скучно. После того, как почувствовал зуд в руках и невыносимую скуку, берись за дело – и не просмотр тиктока или череду переписок, а что-то созидательное, то, что ты откладывал часами. Накопившейся энергии хватит на то, чтобы сделать все не отвлекаясь, потому что, погружаясь в мысли, ты тут же захочешь вынырнуть на поверхность материального и динамичного. Главное – не разрешай себе отвлекаться на телефон и другие источники дешевого дофамина для мозга. Так психотерапевты советуют бороться с прокрастинацией. Однако этот способ никогда не работал со мной. Убрать гаджеты, задуматься о своем и сидеть в тишине, изредка зачем-то подходя к зеркалу с понурым лицом – нет ничего лучше. Врачи вообще недооценивают этот древний русский досуг – прийти домой со школы, сесть на кровать, спустить штаны и пялиться в одну точку четыре часа. Чем больше времени я провожу наедине с собой и своими мыслями, тем легче я себя чувствую. Хотя бы не засоряю время и пространство тем, чем заниматься не хочу.

Наверное, по старой классификации я бы был интровертом, хотя черт его уже разберет, по каким тонкостям и критериям это можно определить. Раньше людей делили на экстравертов и интровертов, а сейчас – на токсичных и экологичных. Среди моих друзей есть и те, и другие, но считается, что у вторых, вроде как, больше привилегий.

Из размышлений меня выдернул телефонный звонок. Вкладыш в правом ухе завибрировал, отдаваясь ритмом старой песни “Toxic” в барабанной перепонке.

Слушаю.

Алло, Витя? – задорный женский голос звучал так четко, будто подруга находилась совсем рядом. Я живо представил высокую блондинку с длинными серьгами. – Привет, сегодня все в силе? Мы с ребятами в продуктовый заехали, что взять?

Мне только безалкогольное пиво.

На другом конце провода прыснули от смеха.

Будто бы кто-то из нас собирается пить.

Я брякнул “ну, тогда давай” и коснулся вкладыша, завершая звонок. До прихода друзей оставалось немного времени, и единственное, что могло вытянуть меня из безделья – оплата счетов. Рутинная, которая не дает мне ни реализации, ни вдохновения, ни счастья, настолько плотно заполняет мою жизнь, что я давно не ищу возможности найти что-то свое. Крутиться в ежедневных обязанностях большого города уже кажется подвигом.

Я крепко зажмурился и активировал линзу. Зараза, к но-

вой всегда нужно привыкать и щурить глаза. Это жуткий производственный баг – я сужаю глаза для того, чтобы настроить линзу, а ее датчики считают мои кривляния за проявление этноксенофобии. Такое было пару раз вчера – щурился изо всех сил, пытаюсь приблизить картинку в Гугле на все свое поле зрения, и тут сияющий красный флаг возникает перед носом – мол, “Вы были замечены в неэтичной пародии на малые народности”. Еще чуть-чуть – и пришлось бы расписываться за штраф.

Сейчас, в темноте, на внутренней стороне века проступили нежно-голубые неоновые буквы: “Вход в Госуслуги”. Я открыл глаза, и белый интерфейс Госуслуг пятнышками затмили черные зерна. Потряс головой, потемнение исчезло. Вот она, хрупкая маскулинность, о которой мы мечтали. Падаю в обмороки от малейшего перенапряжения.

Так, два уведомления... Коммунальный платеж, оплатить. Ну и набежало в этом месяце за свет. Обустройство умной ванной никому не обходилось дешево. И еще одна трата – налог на безработицу. Я вздыхаю и подмигиваю своему профилю, тем самым подтверждая платеж. Удивительный закон – платить налог из самого пособия на безработицу. Можно было бы сразу вычитать эту сумму из пособия, но так, самостоятельно соглашаясь отстегивать деньги за свою непристроенность, я чувствую себя еще более жалко. Крепко жмурюсь, и голубая надпись “Выход из Госуслуг” искрится в темноте. Открываю глаза, и тут же слышу уведомление

от домофона – умная камера распознала людей на крыльце и пустила их внутрь. Время в Интернете всегда текло быстрее, чем кажется, и я тороплюсь доставать закуски из холодильника.

***

Нет, ну это же так – я впахиваю без выходных на его же проект, и этот цисгендерный фашист отказывается выписывать премию за месяц... – говорила Лиза, постукивая длинными ногтями по стакану с лимонадом. – Если ему немного напрячь мозги, он бы понял, что кроме меня никто не подходит под эти задачи. Сотрудник на вес золота!

Мы с Наташей посмеивались в кулак, сидя напротив нее, пока Антон переводил взгляд то на нас, то на Лизу.

Что за проект-то? – спросил он.

Теперь уже Лиза хитро прищурила глаза и быстро посмотрела на Антона, затем на нас. Я невольно откинулся на стул и обнял Наташу за плечи одной рукой, а второй прикрыл рот. Женские плечи ощутимо напряглись под моей рукой, но лишь из-за того, что она уже сама пыталась не засмеяться.

Ну, как же, – будничным тоном произнесла Лиза, сделав глоток лимонада. – Новая коллекция капроновых гольфов для рыбаков, весна-лето. Ты что, не носишь?

Антон уставился на нее, задержав глоток лимонада во рту.

Я же говорила, гольфики и балаклава в трех цветах, про-

рези для глаз. От самых разных насекомых... На этот раз пробуем не сто, а сорок ден, потому что расцветка хаки не то чтобы не добавляет феминности, то и напоминает о позорной эпохе милитаризма, – Лиза поморщилась. – Но увы, ничего лучше для походной одежды не найти. От летающих гадов – самое то. А потоньше будут – так хоть токсичную маскулинность убавят.

С агендерностью твоего дизайна понятно, – торопливо сказал Антон. – Никак не могу допетрить, что у тебя за травма.

Я быстро посмотрел на Лизу, но ее лицо было приветливым и невозмутимым. Обсуждать свою травму считается абсолютно нормальным, а мне все еще кажется это диким и чересчур интимным. Более того, в специальной анкете на поступление в вузы есть графа “Ваша наиболее значимая детская травма”.

Она определяет всю жизнь. То горе, которое случилось в детстве, устанавливает наш тип привязанности, жизненные стремления, способы справляться с трудностями. По типу травмы подростки выбирают себе профессию. Очень рационально: вместо того, чтобы, как раньше, ломать себе голову в семнадцать лет и выбирать вуз из-под палки, мы пользуемся давним шаблоном. В зависимости от того, что мы пережили в детстве, выбор работы будет примерно следующий:

сексуальный харассмент: врач, дизайнер верхней одежды, секс-просвет-коуч;

буллинг в школе: психолог, учитель, вожатый, профессиональный снайпер;
падение с высоты: авиация, туризм, строительство;
побои: боевые искусства, дрессировщики;
эмоционально холодные родители: художник, ветеринар...

И так далее, иные методички насчитывают более трехсот страниц с поясняющими таблицами. Я могу оправдать свое пренебрежение к этой традиции тем, что сам так и не нашел свое предназначение и бешусь от зависти. Но у Лизы был действительно особый случай.

Такое дело, Антон, – загадочно начала она, придав лицу самый кислый вид. – Когда мне было восемь, я играла на даче у бабушки. Дед разрезал арбуз, и я села на скамейку со своим куском. Ела так, что за ушами трещало – то было свое, приморское... И как-то так вышло, что сок капнул на ноги, потом под коленом что-то укололо, смотрю – шмель сидит. Я как бросила этот арбуз, как закричала, бабушка подбежала и отогнала его, с тех пор аж вздрагивала, когда рядом кто-то жужжал. Укус, кстати, прошел, но тот внезапный укол, – Лиза как-то горько цокнула языком. – До сих пор перед глазами темнеет, как вспомню. Ну, а потом выросла, и мне в выпускном классе уже сказали, что работа будет связана с тем, чтобы защищать людей от насекомых. Тем и живу – ба-лаклавы, перчатки, всякие цветные обмотки, ну и гольфы – последний писк.

Антон понимающе кивнул головой, но было видно, что он с трудом сдерживает улыбку.

Как я тебе благодарен, что ты не размусолила это на подкаст о ментальном здоровье! – я хлопнул в ладоши, и девушки хихикнули. – В лучших традициях следовало бы принести тебе салфеток и два часа слушать с понимающим видом, при этом раздавая социально одобряемые советы.

Какой ты злой, – буркнула Наташа, но тоже с улыбкой на лице. – Когда ты уже сам пойдешь мусолить твою шизу к терапевту, м?

Ты мне дай направление не эко-нёрду с подходами из разряда “все проблемы – из детства” или “как ты хочешь свою мать?” – там и посмотрим.

Ребята игриво переглянулись между собой, и, прежде чем я открыл рот, Наташа мягко ускользнула из-под моей руки и вытянулась во весь рост, заставив меня приковать взгляд к ее талии.

Витя, – торжественно начала она, подходя в сторону ребят, чтобы они находились в моем поле зрения, словно на фотографии. Лиза отставила стакан, и все смотрели на меня так, будто я уже лежал в психлечебнице, а они приехали проведать меня с нескрываемой жалостью и любовью. – Знаем, ты просил без подарков, но мы хотим дать тебе, так сказать, не материальную вещь, а впечатление. Это – тебе, – Антон протянул мне белый конверт, и я бережно взял в его в руки. – С днем рождения!

Я всматривался на надписи на плотной, дорогой бумаге. “Доктор Бржевски. Сеанс, который изменит Вашу жизнь” – гласила не печать, а строгий почерк черными чернилами. Я потрогал края конверта и прижал его к груди, поднимая глаза на друзей.

Очень старомодный чувак, приверженец доказательной медицины, – махнула рукой Лиза, прищурившись на слове “доказательной”. Скорее всего, она не была уверена, но, в любом случае...

Спасибо, ребят, – сказал я и добродушно усмехнулся, но мое сердце и правда было переполнено благодарностью. Я распахнул объятия, начиная с Антона, чтобы оставить Наташу напоследок.

Надеемся, это уже будет последний психотерапевт в твоей жизни, – улыбался он, искренне обнимая меня в ответ.

***

На следующее утро я пришел к нему. Кабинет был наполнен стерильным белым светом. Матовое окно оттеняло лучи, пробивающиеся сквозь облака низкого неба. Голубоватая кушетка подо мной была из мягкой кожи. Когда моя поясница коснулась ее, я почему-то понял, что сеанс будет долгим.

Рядом, на стуле сидел доктор Бржевски. Самое примечательное в нем было то, какой он высокий. Его огромная фигура смотрелась органично в кресле этой белой комнаты, но я все равно неуютно поежился под его взглядом. Голубые глаза смотрели прямо, не изучая и не разглядывая. В руках

были блокнот и ручка – единственные старые предметы в этом пространстве.

Давайте начнем. Виктор, двадцать шесть лет, – сказал он, глянув в блокнот. – Итак, какие у Вас жалобы?

Я поднял взгляд на его лицо и понял, что у него не активированы линзы на глазах. Так странно, давно не видел, чтобы кто-то писал от руки, а не фиксировал мысли сразу в облачное хранилище.

Если так сразу, то... – я прочистил горло. – В общем, я не могу найти себя. Давно стоило обратиться, знаю, просто устал платить налог на безработность. Ничего не нравится.

Я выждал паузу, ожидая, что он спросит меня о травме. Но доктор Бржевски все еще смотрел на меня непроницаемым взглядом голубых глаз и мне казалось, что даже без линз он с легкостью анализирует мои малейшие эмоции.

Вырос в абсолютно обычной семье, никакого абьюза, эмоциональной депривации, гиперопеки, – я перечислил умные термины для того, чтобы он не спрашивал про семью, но тут же почувствовал себя глупо. – Все как-то шло своим чередом, и я... никогда не испытывал особых потрясений.

Никаких серьезных болезней? Опыт лечения в российской больнице? – аккуратно спросил он.

Никогда. Аллергий тоже нет.

Доктор откинулся в кресле и внимательно смотрел на меня.

Отношения с одноклассниками? – медленно спрашивал

он, то и дело прищуривая глаза. – Досуг в провинциальном дворе? Собачий кайф?

Не пробовал, – я поморщился. – С одноклассниками все здорово, до сих пор общаемся.

Значит, следующее. Подростковым оккультизмом увлекались? Вызовы духов, гадания?

Никогда.

Доктор Бржевски черкнул себе что-то в блокноте.

И все, с кем бы я пообщался из Вашего окружения, подтвердят мне это?

Я поежился и неосознанно скрестил руки на груди. Ох уж эти психотерапевты старой этики, – не прием, а допрос! Ну, ничего, на самом деле, я был благодарен за его беспристрастность. Если бы он попытался традиционно закомфортить меня тем, что спросил бы мои местоимения и стоп-слово, я бы в который раз развернулся и ушел.

Да, это верно.

Доктор Бржевски встал, отложил блокнот на стол и вернулся на свое кресло в полной тишине.

Давайте вернемся в детство. Вспомните, когда вам было 5-6 лет. О чем вы мечтали в то время?

Ого. Такой подход, связанный с глубинными желаниями, а не с травмой, давно уже считается старомодным и очень циничным. Где-то на одном уровне с той идеей, что женскую истерию следует лечить вибратором. Однако доктор Бржевски говорил таким скучающим тоном, будто за его методы

он не рискует лишиться лицензии.

Я совершенно не помню, – сказал я шепотом, сам не осознавая этого. Наверное, боялся, что нас могут застать за довольно-таки нетрадиционной процедурой. – Когда мне было пять-шесть, я только читал и не хотел стать там космонавтом или ветеринаром, как остальные. Просто... ничего подобного.

Я специально упомянул это классическое “космонавт или ветеринар”, давая доктору понять, что я не просто не против его методов, но и даже разбираюсь в них. Но его лицо осталось непроницаемым.

Ничего такого, что вы хотели в глубоком детстве, но затем эту мечту испортило родительское отношение, комплексы и чужие мнения? Такого не может быть, – монотонно проговорил он, затем по его лицу проскользнула тень какой-то новой мысли. – Виктор, что-то не нравится мне в вашем восприятии детства. Мечты никакой не было, травмы тоже... Как насчет гипнотического сеанса?

Я шумно выдохнул. Приверженность старой этике, бесцеремонность и подход “все из детства” подкупили меня вначале, дав надежду на неожиданный исход сеанса. Однако доктор Бржевски оказался обыкновенным мозгоправом, спихивающим проблемы на бессознательное и иррациональное. Наташа была права, и смешно было поддакивать ему, давая понять, что мне нравилось направление его мысли. Все одно, все одно...

Валяйте, – выдохнул я, мрачно отводя взгляд. Доктор, однако, не отреагировал, он встал, достал из шкафа бланк согласия и протянул его мне.

Я бегло просмотрел бланк. Осведомлен о неэкологичности процедуры, готов к непродуктивному выхлопу и рискам проблемы самоидентификации, бла-бла... Подписав, я отдал лист доктору и снова откинулся на кушетке. Но то, что последовало далее, заставило меня расширить глаза от удивления. Из нагрудного кармана доктор достал старинный черно-белый круг на цепочке.

Разве гипноз не вводится через маску? – недоверчиво спросил я, посмотрев на доктора, как на совершенного идиота.

Нет нужды лишний раз травить организм газом или таблетками, – великодушно ответил он. – Теперь, пожалуйста, отключитесь от сети.

Я на мгновение задумался, а затем осторожно вытащил вкладыш из уха. Тот отозвался на прикосновение несколькими новыми уведомлениями, но я сразу крепко зажмурился и отключил линзу, честно лишая себя возможности укрыться в уютной сети Интернета.

Готово, – сказал я.

Доктор Бржевски нажал кнопку под кушеткой и я с гудением приблизился к его креслу.

Давайте начнем. Примите удобную позу и постарайтесь не отрывать взгляда от круглого медальона, – методично про-

изнес он, поднимая в воздух черно-белый круг.

Я смотрел на медальон, сложа руки на груди. Доктор завел тихую речь:

Некоторые части тела легче почувствовать, а другие будто заблокированы. Ощутите, как вес тела начинает давить на кушетку. Почувствуйте всю свою тяжесть. Сейчас вы не легкая пушинка, а ты человек, который заполняет все пространство, на которое оказывает давление, – медальон передо мной начал раскачиваться, и, следя за ним, я чувствовал внимательный взгляд доктора на моем лице. Было неудобно.

Расслабьте мышцы лица, – как бы заметив мою напряженность, продолжал он. – Позвольте ногам и бёдрам стать тяжелыми.

После этого была долгая пауза, и голова у меня пошла кругом. Немного приглядевшись к медальону, я понял, что черно-белая воронка в нем начала механически кружиться.

Сделайте глубокий вдох и выдох... И ещё раз глубокий вдох и расслабленный выдох. И пока ваше дыхание течёт естественно, потихоньку начните ощущать тело как единое целое, – голос доктора тек медленно и плавно, что совершенно не подходило его непроницаемому лицу. Головокружение начало меня утомлять, и стало сонно. Интересно, он действительно не видит, что гипноз на меня не действует?

Почувствуйте свои губы, рот, челюсть, что там происходит прямо сейчас? – трехэтажный мат, вот что. – Перенесите внимание на горло почувствуйте свою шею, плечи и ни-

же. – речь лилась словно точно мне в уши, минуя расстояние между нами и шум ветра за холодным белым окном. – А теперь почувствуйте грудную клетку, ощутите всю область грудной клетки, почувствуйте биение жизни в своём сердце. С каким темпом оно стучит? – сердце отзывалось глухим уханьем, и я устало вздохнул. – Постепенно переносите своё внимание на область живота. Что вы там чувствуете, напряжение или расслабленность? Какие эмоции возникают в вашем теле прямо сейчас? Начните концентрироваться на напряжённых точках. Есть ли в стопах напряжение? Если да, то сконцентрируйтесь именно на этом месте и почувствуйте, как постепенно оно начинает расслабляться и становиться мягче, – последовала долгая пауза. – А теперь неторопливо направьте внимание на глаза.

что ты чувствуешь, что ты чувствуешь

А теперь давайте направимся вниз, в ноги, – я поморгал, отгоняя сон, и из вежливости решил дослушать доктора. Ох и сочный негативный отзыв ждет эта клиника сегодня вечером. – Почувствуйте бёдра, колени, щиколотки, подошвы стоп, пальцы ног. А теперь попробуйте осознать все тело как единое целое. Как оно ощущается? Какие части тела сильные или пульсирующие, а каким нужно больше внимания и поддержки?

а что что ты чувствуешь на животе прямо там

Представьте ситуацию, когда вы испытываете сильную эмоцию, такую как гнев или беспокойство. В каких частях тела оно отзывается? Где вы ее ощущаете?

– А сейчас представьте: над вашей грудной клеткой в невесомости парит шар насыщенного желтого цвета, – медальон перед глазами заставлял саму комнату пошатываться перед глазами, но я терпел, даже если после сеанса меня укачает и будет тошнить. – Этот шар наполнен огромной сильной энергией. Той, которой вам не хватает именно сейчас. Почувствуйте, как рядом с грудью вам становится тепло. Этот шар парит возле вас, но не касается вашего тела, но вы уже чувствуете, какое тепло... прямо под сильным и пульсирующим сердцем что что покажи мне

тепло это где КРОВИЩА У ТЕБЯ на животе на животе на животе

...излучает этот шар. Сейчас по моей команде вы сделаете вдох, и эта энергия через грудь проникнет внутрь вас. Вдох, – долгая пауза. – Выдох. Представьте, как он центра груди желтый поток энергии начинает расплываться...

на животе тепло и пахнет таким теплым

...и заполнять все внутреннее пространство вашего тела. Перетекая в руки, живот, заполняя всю голову и растекаясь по ногам. Внутри вашем абсолютное тепло и спокойствие. Почувствуйте это. – от сонливости руки упал у меня по бокам, и я чувствовал, что на шее образовался мягкий второй подбородок. – Потихоньку возвращайтесь к дыханию, сделайте глубокий вдох и выдох. Когда ты почувствуете, что готовы, можете вернуться в палату.

Я почти моментально отвел взгляд от медальона и устало потер глаза, затем тряхнул головой. Укачало, как в поезде дальнего странствия.

Доктор, если вы позволите, я отойду, – и, не замечая его лица, я на ватных ногах направился в туалет. Тошнота и темные пятна перед глазами заставили меня жалко удержаться за дверной косяк, когда я зашел в санузел и увидел умывальник.

почувствуй живот ты чувствуешь

Я уперся ладонями в края раковины, и холодный металл уколол кожу на руках. Кран плыл перед глазами, и я ушиб руку,

а помнишь как теплый шар прожег твой живот

включая напор воды. Я запустил ледяную воду в ладони, погружая лицо

тепло РАЗЪЕЛЮ твой живот почувствуйте

в холодную муть и выдыхая в эту воду, расплескивая ее по уши. Я торопливо набрал еще воды в ладони и задержал их на лице, случайно вдохнув. Руки не слушались меня, я отбросил их и снова ударился, шумно кашляя и хватаясь за скользкую раковину. Я посмотрел на свое отражение в широком зеркале.

хорошо Наташ я не снимаю футболку

Я замороженно смотрел в свое мокрое лицо, не смея пошевелиться или отвести взгляд. Словно прикованный вниманием к крутящемуся медальону, боковым зрением я видел в отражении свое помолодевшее юношеское тело в одних пижамных штанах.

Звуки исчезли, и вместо стерильного санузла я видел в широком зеркале свою старую комнату в родном доме. Мягкий свет просачивался сквозь шторы, и в нос ударил запах хвои и легкого перегара. Смутно напоминало отцовский парфюм.

не двигайся иначе папа тебя защекочет

Я перестал дышать, и что-то резко укололо меня возле пупка. В зеркале, на животе ровным кружком краснел ожог от сигаретного бычка. Тихонько потрескивала закипающая кровь и, когда я снова вдохнул

а на утренник у тебя будет образ пепельницы

в нос мне ударил запах железа. Капелька крови устремилась вниз, оставляя за собой тонкую алую дорожку. Я поднес ладонь к ожогу, и в зеркале моя рука превратилась в волосатую смуглую ладонь с перстнями-татуировками.

ты гнида и гнида и ощутите свой живот

Против моей воли пальцы игриво показали сморщенный сигаретный бычок и с силой вдавили мне чуть выше пупка. Раскаленное красное жало вонзилось в кожу, и по щекам потекли слезы,

на утренник будешь как обычно гнидой

пока я тушил о себя сигарету чужой, онемевшей рукой. Давясь непрошенным всхлипом, я опустился перед раковиной на корточки. Темные круги перед глазами застилали зеркало, и шум в ушах перебил шум воды из-под крана, пока мир окончательно не поплыл перед глазами.

***

Была половина четвертого ночи. Плотные шторы дали трещину ровно посередине окна, и сквозь эту трещину в комнату сочился желтый свет от фонаря. Стояла тишина, нарушаемая лишь гулом машин на улице. Ушной вкладыш валялся где-то на полу, а я лежал на кровати с открытыми глазами. Темнота перед глазами окутывала мое поле зрения, не украшенное подсветкой или количеством уведомлений на линзе. Та покоилась в ванной, небрежно смявшись в капле воды, где я ее оставил. Снять линзу впервые за долгое время было достаточно болезненно, и теперь я просто не хотел видеть эту круглую деталь, без которой не мог обходиться годами.

Круглая деталь. Я затаил дыхание в абсолютной тишине и темноте, запуская ладонь под футболку, для самого себя пытаюсь сделать этой тайком. Пальцы встретили маленькие скользкие вмятины на коже. Не дыша, я водил рукой по своему животу, трогая ожоги, почти любовно оставленные там двадцать лет назад. Целая жизнь, которая могла бы сложиться совершенно иначе.

Вкладыш на полу тихо завибрировал, и я одернул руку от себя. Я понимал, что в такое время мне звонит только Наташа, но все равно не чувствовал себя в безопасности. Продав несколько секунд, я поднял вкладыш, но он уже замолк.

Через некоторое время пришло уведомление. Я не стал

идти за линзой, просто дважды стукнул по вкладышу, заставляя ее прочитать сообщение. Тихий механический голос с мягкими интонациями, подслушанными у Наташи, зазвучал в комнате:

– Витя, привет, пожалуйста, перезвони мне, как только сможешь. Не знаю, что наговорил тебе Бржевски, но все еще можно поправить. Если ты чувствуешь, что вы расковыряли что-то лишнее, это совершенно не означает, что это что-то теперь определит ход твоей жизни, – последовала пауза. Значит, сообщение оборвалось, и через некоторое время пришло новое. – Слушай, бог с ней, с работой, ты всегда можешь обрести себя в семье...

Даже в механическом голосе мне послышалась заискивающая надежда. Я бросил вкладыш на пол и встал с кровати. Какая семья, глупая, ни один несчастный больше не унаследует гены старого извращенца.

Я включил большой свет и распахнул шкаф. Где-то в барахле он должен быть. На пол полетел сложенный пуховик, термобелье, а затем с грохотом повалились коробки из-под техники: большая для планшета, поменьше – для вкладыша, линзы, испорченной линзы, напульсника, увлажнителя для воздуха... Инструкции и гарантии на корейском разлетелись по комнате. Я бережно вытащил старую широкую коробку и сел на кровать, случайно наступив на вкладыш. Тот отозвался жалобным треском.

На пробу дунув в коробку, я зажмурился от пыли. Скотч

красовался на стенках из старинного желтого картона, а внутри лежали старые бумаги. По одной я доставал их и клал друг на друга на кровать, боясь повредить ветхие листы. Свидетельство о рождении прадеда, бирка на запястье из роддома, купюра 100 рублей, даже СНИЛС в формате А4... Сколько раз друзья предлагали продать их копии на цифровом аукционе, но меня что-то останавливало.

Моя рука коснулась потрепанного корешка на самом дне, я подхватил его и достал старую записную книжку.

Эта травма всегда лишала меня возможности заняться чем-то всерьез. Я хотел просто найти себя, папа, но теперь не знаю, как с ней жить.

Я открыл книжку, и листы чуть не вывалились из потрепанной обложки. На первой же странице были записаны номера телефонов в столбик. Цифры, каракули и маленькие рисунки ручкой. Я разглядывал свои письма, не решаясь достать старый телефон.

Я рисовал это все шариковой ручкой двадцать лет назад. Я знаю, что ты тоже не выкинул телефон, старый кретин. Мы с тобой обречены держаться за старое.

Сенсорная нокия молчаливо глядела на меня со дна коробки черным экраном. Я взял ее и бережно включил. Мелькнула рваная пиксельная анимация.

Если есть шанс освободиться из той тюрьмы, в которую ты меня посадил, – это только подать тебе руку через прутья. А затем схватить за горло и сказать, что завтра из моего пас-

порта исчезнет отчество, и ничего, кроме любви к старому
бараклу, не будет нас связывать.

Я набрал номер и перепроверил его дважды, прежде чем
позвонить. Пошли гудки.

Гудки, гудки, гудки.